

— Васъ Иванъ Терентьичъ нанималъ?

— Не знаемъ мы имя-отчества его, видали только, что онъ въ казинетовомъ кафтанѣ.

— Картузъ суконный.

— Бородка клинушкомъ, будто какъ у козы.

— Онъ самый, — подтверждаетъ приказчикъ: — почему онъ васъ нанялъ?

— По двѣнадцати за хозяйственну.

— Вотъ что, — говоритъ приказчикъ: — часа два тому назадъ проѣхалъ здѣсь Иванъ Терентьичъ и велѣлъ сказать вамъ, что въ Дубровкѣ онъ нанялъ артель въ 500 человекъ по 10 руб. за десятину. Если хотите работать за эту цѣну — идите, я провожу васъ, куда слѣдуетъ, а ежели нѣтъ, такъ какъ знаете. Неволить не будемъ, у насъ этого не водится, чтобы силомъ или обманомъ, у насъ, по Божьи.

Начинается невообразимый шумъ, жалобы неизвѣстно кому, угрозы, упрёки, потомъ оханье и аханье, потомъ просьбы — возвратить паспорта.

— Паспортовъ вашихъ у меня никогда не было, братцы, и сейчасъ нѣтъ. Сами знаете — я отъ васъ ихъ не получалъ.

— Да мы этому самому, какъ его... Иванъ Терентьичъ что ли? — ему препоручили.

— У него, смотри, они и будутъ.

— Да гдѣ онъ самъ-отъ? Давай его сюда на глаза!

— Самъ онъ, милые, далече теперь, пожалуй, не догоните... На участокъ онъ уѣхалъ, Ковыловскій этотъ участокъ по нашему будетъ, 30 верстъ отсюда.

— Зачѣмъ онъ съ собой-то увезъ?

— А запоминать, видно; дѣловъ-то у насъ съ нимъ не съ ваше. Такъ-то съ.

— Какъ же быть?! — чуть не съ отчаяніемъ восклицаютъ рабочіе и разводятъ руками.

— Право ужъ и не знаю, голуби мои; дѣло это ваше, думайте, какъ лучше для васъ. А ежели на мой разсудокъ полагаетесь, такъ я скажу вамъ вотъ что: пошлеть народъ, изъ вашинскихъ же, по 10 рублей и вы идите, только и всего! Попусту вѣдь недѣлю-то проболтаетесь и послѣдніе гроши исхарчите... Впрочемъ, счастливо оставаться! мнѣ тоже калякать-то съ вами некогда.

И прежде, чѣмъ жнецы успѣли что-нибудь сказать, степной скакунъ несъ прикащика уже далеко.